

РАК-ВОЛШЕБНИК. Эстонская сказка.
THE FAIRY CRAWFISH. AN ESTHONIAN
TALE

Неподалёку от Ревеля, на берегу Балтийского моря, жил дровосек. Жил в жалкой хижине, что стояла на заброшенной дороге у лесной опушки, Лоппи (так звали дровосека) был беспредельно беден и столь же терпелив. Для полного счастья судьба послала ему сварливую жену. Звали её Мазикас, что означает лесная земляника. Она не была злобной в душе и попусту не сердилась – лишь бы другие люди подчинялись ей и поступали по её желанию. Однако и весёлой её не видали. Если Мазикас молчала с утра до вечера, пока муж трудился в лесу или на поле, то уж с вечера до утра, когда он был дома, ворчала без умолку. Правильно говорит старая пословица: "Лошадка брыкается, когда сено в кормушке кончается". Вот и в хижине дровосека избытком не пахло. На стенах две-

три паутинки, не больше – мухи ведь здесь не летали. А пара мышей, что забрела сюда ненароком, теперь помирала с голоду.

Однажды, когда на полках вообще не, осталось ни крошки, а прелестная Мазикас совсем осатанела, трудяга-дровосек закинул на плечо пустую суму, своё единственное достояние, и, вздыхая, поспешил прочь из дома. Так он каждое утро отправлялся искать работу, а точнее подаяние. И до чего же радовался, если мог принести домой зачерствелую горбушку, вилок капусты или несколько картофелин, которые давали ему из милости сердобольные люди.

...Значит, проходил Лоппи мимо озарённого солнцем пруда и углядел в росистой траве нечто чёрное, неподвижное, навряд ли какой-то диковинной твари. А потом понял; это ведь рак, но какой же огромный – подобного ему дровосек прежде не видывал. Рак спал – то ли притомился, то ли на солнышке разморился. Схватить его и забросить в суму, пока тот не опомнился, было мгновенным делом.

"Вот это удача! – подумал Лоппи. – То-то жена порадует! Давненько я не потчевал её такой вкуснятиной".

От радости он прямо-таки подпрыгивал. Однако прыжки продолжались недолго – из котомки раздался глухой замогильный голос.

– Эй, дружище! – проскрежетал рак.

– Перестань-ка трястись и выпусти меня. Я самый старый из нашего племени, мне уже за сто лет. Тебе не по плечу мой прочный панцирь. Об него даже волк зубы обломает. Не используй во зло случай, который отдал меня в твои руки. Учти: я, подобно тебе, создание Божье, так смилуйся же надо мной, как в своё время Он смилуется над тобою.

– Почтенный рак, вы чудесный проповедник, но не обессудьте – ваши поучения меня не трогают. Будь на то моя воля, я охотно бы вас отпустил, но ведь меня ждёт голодная жена. И если я вернусь с пустыми

руками да ещё скажу, что поймал самого распрекрасного рака, а потом его отпустил, она поднимет страшный шум, который до Ревеля донесётся. А поскольку жена моя крутого нрава, она вполне способна привести меня помелом.

– А говорить-то ей зачем? – удивился рак.

Лоппи поскрёб за ухом, потом почесал затылок и тяжело вздохнул:

– Почтеннейший, знали бы вы, как проницательна Мазикас, не стали бы удивляться. Она кого хочешь выведет на чистую воду. С ней никому не совладать. Она выворачивает тебя наизнанку, словно с угря кожу сдирает, и заставляет выложить всю правду, даже ту, которую ты не знаешь. Эта женщина любого за пояс заткнёт.

– Дружище, ты, я вижу, из породы порядочных мужей, – заключил рак. – С чем тебя и поздравляю! Но поскольку пустая похвальба тебя не спасёт, я готов выкупить

свою свободу ценой, которая устроит твою госпожу. Не суди меня по внешнему виду. Знай: под этим панцирем скрывается волшебник. Я обладаю немалой силой, и если ты меня послушаешь, дела твои пойдут на лад, а останешься глух – всю жизнь будешь каяться.

– Да чего там! – воскликнул Лоппи. – Я никому не желаю зла. Сделайте, чтобы Мазикас осталась довольна, и я тут же отпускаю вас.

– Какую рыбу она любит больше всего?

– Знать того не знаю. Нам, беднякам, некогда выбирать да ковыряться. Лишь бы мне не прийти домой с пустыми руками... Жаловаться не будем.

– Положи меня на землю, – велел рак. – А теперь закинь раскрытую котомку в пруд. Хорошо. Итак – рыбка, в сумку!

Невиданное дело! В одно мгновение набилось рыбы под самую завязку, и дровосек едва смог поднять котомку.

– Вот видишь, твой новый друг умеет быть благодарным, – сказал рак ошеломлённому Лоппи. – Отныне можешь приходить сюда каждое утро и набивать свою котомку. Знай повторяй: "Рыбка – в сумку!" Я сдержу обещание. Раз ты был добр ко мне, значит, и я отплачу добром, А ещё чего пожелаешь, позови меня на такой вот серьёзный манер:

Рак, мой друг, прошу – не спите,
Умоляю – помогите!

Я откликнусь и посмотрю, чем смогу помочь. Напоследок один дружеский совет: если хочешь, чтобы в доме твоём царил мир, попридержи язык и не рассказывай

жене о том, что с тобой сегодня приключилось.

– Постараюсь, господин волшебник, – обещал дровосек.

Взяв рака, он осторожно опустил его в воду, и через мгновение тот скрылся из вида.

Гордый и счастливый, Лоппи спешил домой. Спала с души тяжесть, и ноги, казалось, сами несли его по дороге. Едва войдя в хижину, он тут же развязал суму и... Первой выскочила великолепная щука в метр длиной, за ней последовал огромный золотистый карп, взвились в воздух и шлёпнулись на пол два отменных линя, а потом валом повалила треска. Такого богатства даже на Ревельском рынке ещё поискать надо. Понятно, что Мазикас радостно вскрикнула и бросилась на шею Лоппи.

– Муженёк... дорогой мой... самый любимый, – приговаривала она. – Теперь пони-

маешь, как была права твоя маленькая жёнушка, когда заставила тебя спозаранку отправиться на поиски счастья. В другой раз, смотри же, слушайся меня. Рыба – на загляденье! А сейчас ступай в огород, принеси чесноку да луку, после сбегай в лес, набери грибов. Я сварю тебе королевскую уху, да что там – сам император такой не отвеживал! На второе отварим карпа. Эх, и закатим же пир...

Действительно, обед прошёл весело, Мазикас во всём старалась угодить мужу. Лоппи даже почудилось, что у них снова настал медовый месяц. Увы, уже на следующий день, а именно в понедельник, вновь принесённая рыба не вызвала у Мазикас восторга. На четвёртый же день супруга скорчила гримасу, а в воскресенье разразилась бранью:

– Ты что, решил устроить в доме монастырь? Я что тебе – монашка, раз ты решил уморить меня бесконечным великим по-

стом? Этой безвкусной рыбёшкой? От одного её вида у меня крутит в желудке.

– Чего же тебе угодно? – воскликнул верный муж, он-то хорошо помнил недавний голод.

– Ничего, кроме того, что есть на столе в любой нормальной крестьянской семье. Суп да кусочек жареной свинины – вот и всё, что мне нужно для счастья. Такая малость...

"А ведь верно, – подумал дровосек, – рыба из пруда немного пресновата, а для больного желудка самое лучшее лекарство – добрый ломоть свининки. Но окажет ли мне волшебник эту милость?"

На следующее утро, с рассветом помчался Лоппи на пруд и позвал своего благодетеля:

Рак, мой друг, прошу – не спите,

Умоляю – помогите!

Тут же высунулась из воды здоровенная клешня, потом другая, а затем и голова с выпученными глазами появилась.

– Зачем пожаловал, братец? – проскрежетал хорошо знакомый голос.

– Мне самому ничего не надо. Чего мне ещё желать? А вот у моей супруги больной желудок, и он не принимает больше рыбы. Ей бы супчику или свининки...

– Что ж, если это сделает твою супругу счастливой, я помогу ей, – сказал рак. – В час обеда постучи трижды мизинцем по столу и всякий раз приговаривай: "Суп и жаркое – на стол!" Будь спокоен, тебя обслужат. Но берегись: желания твоей жены могут возрасти. Не подчиняйся им. Покаешься, да будет поздно.

– Постараюсь, – пообещал Лоппи с тяжёлым вздохом.

В назначенное время обед появился на столе. Мазикас расплылась от радости. Она вела себя с мужем точно кроткая овечка и ластилась к нему словно голубка. Целую неделю царило спокойствие. Но потом горизонт опять затуманился, и новая буря

разразилась над головой невинного Лоппи.

– Долго ещё продолжаться этой пытке? Ты решил, до смерти напичкать меня жирным пойлом и мерзким салом? Мне не выдержать такого жестокого обращения.

– Чего же ты хочешь, любовь, моя? – спросил Лоппи.

– Хочу простой обед – жареного гуся да сладкого пирога на десерт.

Что на это скажешь? Хотя, понятно, много чего можно было сказать, но Лоппи боялся нарушить мир в семье. Жене стоило взглянуть на Лоппи, и душа у него уходила в пятки, Когда любишь, слабеешь душой...

В ту ночь бедняга не сомкнул глаз. Рано утром отправился на пруд и долго шагал там по берегу. Сердце его сжимала тревога. Если волшебник сочтёт просьбу нескромной, что тогда делать?.. Наконец Лоппи собрался с духом и выкрикнул:

Рак, мой друг, прошу – не спите,

Умоляю – помогите!

– Зачем пожаловал, братец? – раздался голос, от которого дровосек вздрогнул.

– Мне-то ничего не надо. Чего мне ещё желать? А вот моя жена не может больше есть ни суп, ни свинину. Ей бы чего полегче, к примеру, гуся жареного да пирога сладкого.

– И только? Что ж, попробуем ещё разок её ублаготворить. Возвращайся домой, братец, и не бегай ко мне всякий раз, как твоя жена пожелает переменить меню. Пусть заказывает чего хочет: стол – слуга надёжный и подчинится ей.

Сказано – сделано. Вернувшись домой, дровосек обнаружил уже накрытый стол. Стояли там оловянные кружки и тарелки, лежали железные ложки и вилки с тремя зубцами. Нечего сказать, волшебник размахнулся: подал и жареного гуся, и карто-

фель, и подливку, и вкуснейший пудинг с черносливом. Не позабыл даже бутылку с анисовой настойкой – для оживления трапезы. И на этот раз Лоппи подумал, что беды его кончились.

Ох, не следовало бы ему выставлять на показ перед женой свои возможности... У Мазикас достало ума, чтобы понять – за этим чудесным изобилием скрывается волшебная сила. И однажды она принялась настойчиво расспрашивать, что за добрый дух взял их под своё покровительство? Лоппи попытался было промолчать, но разве можно устоять перед нежной и любящей женой?

Мазикас поклялась сохранить драгоценную тайну, И сдержала слово, что, впрочем, было нетрудно – вокруг на десять вёрст никто не жил. Но если секрет она хранила, то и забывать о нём не собиралась.

Однажды вечером Мазикас пребывала в отличном настроении. Муж не мог на неё нарадоваться. Тут-то она его и прихватила.

– Лоппи, дорогой мой, тебе повезло, это верно. Но ты даже не представляешь, как извлечь пользу из своей удачи. И о своей маленькой жёнушке совсем не думаешь. Да, обедаю я под стать принцессе, но ведь одеваюсь точно нищенка. Неужели я настолько стара и уродлива, что ты позволяешь мне ходить в отрепьях? Я говорю это не из кокетства, дорогой. Только один мужчина занимает моё сердце... Однако должна же я иметь одежды, достойные дамы. Не говори, что не сможешь помочь, – добавила она с обезоруживающей улыбкой. – Я-то знаю, что волшебник всегда рад услужить тебе. Так неужели ты откажешь мне в самой скромной просьбе, мне, которая только ради тебя и живёт?

Если женщина просит о нарядах, чтобы блистать в них перед мужем, то сможет ли он проявить жестокость? Лоппи не был из-

вергом. И в глубине души признавал, что Мазикас права. Со стороны поглядеть, сидят они за столом в своих нищенских обносках и, словно воры, уплетают краденую пищу. Как славно бы выглядел стол с прекрасно одетой хозяйкой во главе!

Однако сколь ни справедливы были рассуждения Лоппи, всё же по дороге к пруду он загрустил и начал опасаться, что слишком далеко заходит. Не без страха воззвал дровосек к благодетелю:

Рак, мой друг, прошу – не спите,
Умоляю – помогите!

Внезапно рак вынырнул наружу.
– Зачем пожаловал, братец?

– Мне самому ничего не надо. Чего мне ещё желать? Но вы настолько добры и щедры, что желания моей жены растут... чуть-чуть поспешно. Изношенные платья напоминают ей о нашей прежней нищете, и так будет продолжаться до тех пор, пока она не станет одеваться как знатная дама.

Рак добродушно рассмеялся.

– Ступай домой, братец. Я выполню желание твоей жены.

Не в силах выразить благодарность словами, Лоппи настоял на том, чтобы поцеловать у благодетеля клешню. По пути домой повеселевший дровосек распевал словно жаворонок. Навстречу ему попала прекрасная дама, разодетая в шелка и меха. Он смиренно поклонился благородной госпоже, а та рассмеялась и бросилась ему на шею. Это была Мазикас во всей красе, и, говоря откровенно, никто не мог бы сравниться с ней изяществом и величавостью.

Мазикас испытывала настоящее счастье, но такова уж печальная участь счастливых – исполнение желаний порождает но-

вые желания... Что толку разыгрывать из себя даму, если живёшь в жалкой хижине и нет поблизости соседей, которые при виде тебя сходили бы с ума от зависти? Если нет даже зеркала, чтобы можно было осмотреть себя с ног до головы? Недели не проходила Мазикас в новых нарядах, как заявила мужу:

– До чего же нелепа наша жизнь, я не могу выносить её дольше. Роскошный стол, элегантные платья и... лачуга, открытая всем ветрам. У твоего волшебника должно хватить ума, да и любезен ты ему, мой дорогой муженёк, чтобы он понял – нам нужен замок, где я могла бы целый день напролёт распоряжаться своим богатством. И больше нечего будет желать.

– Что ты! – воскликнул Лоппи. – Мы же рискуем всё потерять. Нельзя натягивать струну бесконечно – наверняка лопнет. Мы обнищаем сильнее, чем прежде. Почему бы не довольствоваться тем, что имеешь?

Сколько людей радовалось бы, будь у них такие блага!

– Лоппи, – нетерпеливо оборвала его Мазикас, – когда же ты перестанешь быть тряпкой? Когда же поймёшь – тот, кто не умеет постоять за себя, всегда оказывается в дураках? Что плохого в моей просьбе? Ступай. И не бойся – за последствия отвечу я.

Она пилила и пилила беднягу, пока он вновь не отправился в свой горестный путь. Ноги едва слушались Лоппи... Если волшебник откажется выслушать его, он это как-нибудь переживёт, но что его ждёт по возвращении домой? Лоппи чувствовал, что не сможет смело встретить бурю, которую поднимет жена. Единственное, на что у него хватило храбрости, так это поклясться себе: "Если рак откажет, брошусь головой в пруд". Жуткое решение, но куда более приятное по сравнению с тем, что ожидало Лоппи дома...

Не бывает человека отважней, чем трус, попавший в западню. Вот и Лоппи насмелился-таки прохрипеть:

Рак, мой друг, прошу – не спите,
Умоляю – помогите!

– Зачем пожаловал, братец? – отозвался волшебник.

– Мне ничего не надо. Чего ещё желать? Но вот моя жена, вопреки всем милостям, которыми вы нас осыпали, извела меня, днём и ночью пристаёт с тем, чтобы я вновь обратился к вам с просьбой – против моей воли.

– Хо-хо, – пробухал рак, – выходит, ты рассказал ей о нашей тайне. Теперь можешь забыть о домашнем спокойствии. Чего же просит прекрасная дама на сей раз – после того как решила, что я в её власти?

– Замок, добрый волшебник, самый что ни на есть скромный малюсенький замок. Ей надо, чтобы дом сочетался с подаренными вами нарядами. Сделайте Мазикас баронессой, и она будет так счастлива, что больше нам не останется желать чего-либо ещё.

– Братец, – торжественно ответил рак, – да исполнится желание твоей жены.

Лоппи с трудом отыскал дорогу домой. Вокруг сплошные перемены – раскинулись хорошо возделанные поля и зелёные пастбища, кишевшие скотом. За ними вознёсся замок. Лоппи уставился на него с восторгом и недоумением. А по ступенькам замка уже спускалась разнаряженная (разряженная) дама. Странно, она улыбнулась Лоппи и протянула ему руку. Да это же Мазикас!

– Наконец-то все мои желания исполнились! – воскликнула она, – Поцелуй меня,

дорогой Лоппи. Благодарю тебя. И доброго волшебника.

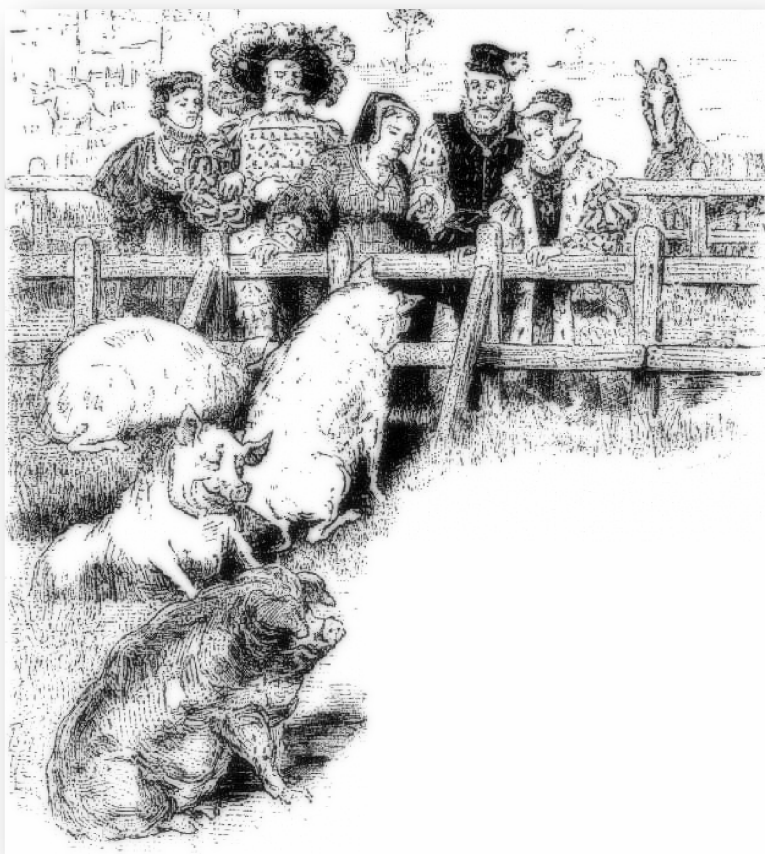
Простодушного дровосека переполнило блаженство. Такое не снилось ему в самых сладких снах. За один час перенестись из нищеты в богатство, из ничтожества – в благородное звание; поселиться в замке с грациозной милой женщиной, которая только тобой и живёт, – ну как тут не расплакаться от радости?

К сожалению, за самым сладким сном всё равно следует пробуждение...

Мазикас насладились всеми выгодами богатства и благородного звания. Окрестные бароны и баронессы состязались за честь нанести ей визит или принять её у себя, сам губернатор припадал к её ногам, а её дом, наряды и поместье беспрестанно обсуждались всей округой. Разве её скакуны не самые резвые в стране? А что за прелесть английские коровы – рогов почти нет, а молока и того меньше. Чудо как хо-

роши и английские куры – редко кладут яйца, зато красивы и пугливы словно фазаны. Что уж говорить про английских свиней – таких жирных, что ни головы, ни хвоста, ни ног не различить.

Чего же не хватало Мазикас, чтобы чувствовать себя счастливейшей из женщин? Увы, слишком уж хорошо всё для неё складывалось! Она решила, что рождена править, и не стала скрывать от мужа это открытие. Знатная дама возжелала сделаться королевой.

– Неужели ты не видишь, – говорил: она Лоппи, – с каким почтением все ко мне относятся? Потому что я всегда оказываюсь права. Даже ты, упрямый как осёл, да нет, упрямее осла, даже ты не можешь не признать – я никогда не ошибаюсь. Я рождена быть королевой! Чует моё сердце...

Лоппи изумлённо вскрикнул. В ответ ему было заявлено, что он самый что ни на есть простофиля. Разве его заставляют снова обратиться к раку? Нет, но Лоппи должен понимать и свою выгоду – он станет королём и будет обязан короной жене.

А Лоппи совсем не хотелось царствовать. Он сытно завтракал и обедал, и дальше этого его желания не шли. Сильнее же всего Лоппи жаждал покоя. Но хорошо понимал, что покоя ему не видать, если не подчинится капризам своей прекрасной половины. Почесал Лоппи голову, повздыхал, даже, говорят, поворчал немного, но всё же отправился в путь. Придя к пруду, он ласково позвал друга.

Высунулась из воды чёрная клешня и послышался голос: "Зачем пожаловал, братец?", а Лоппи стоял и молчал, уstraшённый дерзостью просьбы. Наконец ответил:

– Мне-то ничего не надо. Чего мне желать? А вот жена тяготится положением баронессы...

– Чего же: ей надо?

– Ах, она хочет быть королевой, – пробормотал Лоппи.

– Хо-хо, – затрясся рак. – Вам с ней повезло, что ты спас мне жизнь. Потому я выполню её желание. Приветствую тебя, супруг королевы! Да преисполнится радостью твоя жизнь!

Вернулся Лоппи домой и вместо замка увидел дворец. Лакеи, камергеры и пажы мчались во все стороны, торопясь исполнить повеления своей владычицы.

– Благодарение Богу! – сказал дровосек.
– Наконец-то я найду покой! Мазикас забралась на самый верх, выше карабкаться некуда, вокруг неё полно народу в услужении, значит, я могу спокойно почивать и не бояться, что она меня разбудит.

Нет ничего более хрупкого, чем счастье королей. И королев тоже. Едва прошло два месяца, и Мазикас посетил новый каприз. Она послала за Лоппи.

– Я устала быть королевой, – сказала она. – Мне до смерти надоели глупые ком-

плименты придворных. Я хочу править свободными людьми. В последний раз ступай к волшебнику и заставь его выполнить моё желание.

– Если корона тебя не устраивает, то что же?! – вскричал Лоппи. – Неужели ты желаешь быть самым Богом?

– Почему бы и нет? – холодно отозвалась Мазикас. – Разве от этого мир будет хуже управляем?

Услышав такое богохульство, Лоппи в ужасе уставился на жену. Бедная женщина, очевидно, выжила из ума. Он пожал плечами.

– Как ты: ни настаивай, – отрезал Лоппи, – я не потревожу волшебника этой глупостью.

– Посмотрим, – Королева разъярилась. – Ты забыл, кто я такая? Немедленно повинуйся или тебе отрубят голову.

– Сейчас же побегу со всех ног, – заверил её дровосек, а про себя подумал: "Какая разница от кого принимать смерть – от жены или от волшебника? К тому же волшебник ещё, может, и смиростивится".

Он пошёл, шатаясь словно пьяный, и сам не понял, как добрёл до берега. Помедля (помедлив), Лоппи прокричал в отчаянии:

Рак, мой друг, прошу – не спите,

Умоляю – помогите!

Ответа не последовало. Пруд оставался недвижим. Тишина... Даже мух не слышно. Вторично позвал Лоппи – на сей раз, и эхо не откликнулось. Охваченный ужасом, Лоппи крикнул в третий раз.

– Зачем пожаловал? – резанул голос.

– Мне-то ничего не надо. Чего мне желать? Это королева, моя жена, заставила меня.

– И чего ещё ей нужно?

Лоппи упал на колени.

– Простите меня, в том нет моей вины! Она пожелала быть Богом.

Рак наполовину вылез из воды и, грозя Лоппи клешнёй, прогремел:

– Твою жену следовало бы посадить в тюрьму, а тебя, дурня, – повесить. Жёны творят глупости благодаря трусливым мужьям. Убирайся в свою конуру, босяк, в конуру!

И в такой ярости нырнул рак в воду, что она зашипела, точно в неё погрузили раскалённую сталь.

Лоппи упал лицом на землю, словно поражённый молнией. Потом, опустив голову, побрёл домой, и до чего же знакомой пока-

залась дорога – лесной опушкой мимо чахлых берёзок, по жухлому мху, между обмелевших прудов со стоячей водой. А вот и знакомая лачуга, и была она куда более убогой, чем прежде.

Что теперь сказать Мазикас и чем её утешить? Но не долго Лоппи предавался грустным мыслям – из лачуги выскочила сушая ведьма в отрепьях и бросилась ему на шею, стремясь задушить его.

– Ага, появился, изверг! – вопила Мазикас. – Это по твоей тупости мы разорились. Это ты рассердил своего проклятого рака. Так и должно было случиться – ты никогда меня не любил ничего для меня не сделал, ты – себялюбивый негодяй! Умри же!

И она бы выцарапала Лоппи глаза, не сумей он с превеликим трудом удержать её руки.

– Осторожнее, Мазикас, успокойся. Не изводи себя.

Но было поздно – внезапно у Мазикас вздулись вены на шее, побагровело лицо, она отпрянула назад, вскинула руки и рухнула на землю. Её убил гнев.

Лоппи оплакал жену, как и полагается всякому порядочному супругу. Он схоронил её под величавой елью. Над могилой поставил камень и обнёс место изгородью, чтобы звери не потревожили прах. Выполпив печальный долг, Лоппи вернулся домой и постарался обрести прежний покой.

Но его охватило отчаяние, он не мог жить один.

– Что мне делать? Что со мною станется? – причитал Лоппи. – Вот он я, одинокий, покинутый, сам себе в тягость. Кто будет за меня думать, решать, говорить и делать, как поступала моя любимая жена? Кто разбудит меня десять раз за ночь и напомним, чем я завтра должен заняться? Я лишь тень без души, живой труп. Жизнь моя отлетела вместе с возлюбленной Мазикас. Мне остаётся только умереть.

Слова его оправдались. В начале зимы проходивший лесом крестьянин увидел лежавшего на снегу человека. То был Лоппи.

Он уже неделю как умер – от холода, голода и горя. Поблизости не оказалось ни друга, ни соседа, чтобы закрыть ему глаза. Закоченевшие пальцы сжимали шило – им Лоппи процарапал на камне последние слова, обращённые к той, кто была услугой его жизни:

TO THE
BEST OF WIVES,
FROM THE
MOST INCONSOLABLE OF HUSBANDS (4).

